14/06/2019

Слово Святейшего Патриарха Кирилла на заседании Высшего Церковного Совета 13 июня 2019 года

13 июня 2019 года в зале Высшего Церковного Совета кафедрального соборного Храма Христа Спасителя в Москве Святейший Патриарх Московский и всея Руси Кирилл возглавил заседание Высшего Церковного Совета Русской Православной Церкви. Открывая заседание, Святейший Владыка обратился к членам Высшего Церковного Совета со вступительным словом.

Сердечно приветствую всех членов Высшего Церковного Совета на нашем очередном заседании и по уже сложившейся традиции хотел бы поделиться с вами некоторыми мыслями. Сегодня мы выслушаем отца Кирилла Сладкова, который руководит молодежным направлением в нашей Церкви, и я хотел бы сказать несколько слов на эту тему.

Хорошо известно, что сегодня у нас в храмах достаточно много детей — от младенческого до раннего отроческого возраста. Каждый из нас, кто совершает Литургию, с особенным чувством причащает большое количество

младенцев, что создает совершенно особую атмосферу в наших храмах и подвигает нас к заботе о детях, о молодежи. Но вот что происходит: дети, которые вместе с родителями приходят в храм в самом юном возрасте, не остаются в храме автоматически по достижении переходного возраста, значительная их часть вообще перестает ходить в церковь. И возникает вопрос: что же происходит с ребенком, когда его наивная детская вера, особая чувствительность к восприятию богослужения проходит, когда она затмевается другими эмоциями, когда у ребенка возникают иные целеполагания? На мой взгляд, происходит нечто неправильное и даже опасное. Дети переходного возраста очень часто увлекаются другими темами, нечто в окружающем их мире становится настолько притягательным, что испытанное ранее религиозное чувство не выдерживает конкуренции, ребенок погружается в иные сферы деятельности и в иные сферы интересов.

Что же нам делать? Совершенно очевидно, что простого ответа нет, сегодня мы сможем лишь обозначить вопросы. Как мы работаем с детьми того возраста, которые наполняют наши храмы? Именно здесь, я думаю, наша ошибка. Мы видим этих детишек — таких благодатных, радостных, воцерковленных, с бабушками и дедушками, с мамами и папами, — а какая работа с ними ведется? Знает ли священник всех этих детишек? Знаком ли он с семьями? Знает ли он, что в этих семьях происходит? Мне кажется, для того чтобы дети, достигшие переходного возраста, оставались в храме, они уже в радостном младенческом возрасте должны становиться, в меру своих возможностей, ответственными членами прихода, христианской общины. Работа с детьми даже самого юного возраста не может быть исключительно патерналистической, когда мы только гладим по головке и умиляемся. Должны быть выработаны программы очень серьезного воцерковления ребенка, его подготовки к переходному возрасту.

Для того чтобы приход мог справляться с такими задачами, должны быть хорошо подготовлены священнослужители. Общий уровень подготовки московского духовенства у меня сегодня не вызывает никакой озабоченности. Чем чаще я слышу проповеди, произносимые священниками во время Патриарших богослужений, чем чаще я вижу наше духовенство на телеэкране, тем больше я убеждаюсь в том, что за последние годы несомненно произошел духовный и интеллектуальный рост значительной части духовенства города Москвы. Тем не менее, сталкиваясь с проблемой воспитания детей, в том числе в переходном возрасте, я полагаю, что не всегда духовных, интеллектуальных, культурных ресурсов может хватить у одного священника и у одного прихода. Поэтому я бы предложил

интенсифицировать горизонтальные связи между приходами в тематическом плане. Например, близлежащие приходы в пределах одного благочиния могли бы обмениваться опытом работы с детьми раннего и переходного возраста, вырабатывать совместные программы — не только чисто образовательные, но и культурные, развлекательные, спортивные.

Знаю, очень многое уже делается, но чаще всего для подростков, которые приходят в храм самостоятельно и сознательно. Но между этим возрастом, от 15 до 18 лет, и возрастом 10-11 лет пролегает переходный возраст, в котором дети часто покидают приход, не чувствуя никакой с ним связи. Да, ходили с мамой и папой, батюшка хороший, — но в приходскую жизнь эти дети так и не были вовлечены, они к ней не привязались. Думаю, только в том случае, если появятся привлекательные для данного возраста программы, ребенок без всякого принуждения, опираясь лишь на свой собственный интерес, начнет связывать себя с приходом.

Я уж не говорю о том, как важно, чтобы священник смог вовремя переключить что-то в своем сознании, отказавшись от патерналистического языка, с которым он обращался к детям младшего возраста. И у родителей такой же язык, — потому что ребенка младшего возраста этот язык не шокирует, напротив, он для него является очень ясным, понятным. В этом возрасте у ребенка еще мало опыта, у него нет возможности сравнивать, и когда мать или отец говорит назидательно, это закладывается в детское сознание. Так и строится воспитание в раннем детском возрасте — именно на конкретных указаниях ребенку, что можно, что нельзя, что хорошо, что плохо. Но когда он входит в переходный возраст, патерналистическое отношение может вызывать раздражение. И речь идет не только о раздражении по отношении к священнослужителю, — в первую очередь это раздражение чувствуют на себе родители, когда ребенок перестает слушаться, когда у него возникает собственная повестка дня, когда родители перестают быть для него авторитетами, когда авторитетом для него становится кто-то другой, за пределами собственного дома. Священник должен очень остро почувствовать этот переходный возраст и сменить язык и манеру общения с ребенком. Он должен становиться другом для повзрослевших детей. Может быть, это тяжело человеку в рясе, особенно достигшему определенного положения, привыкшему к тому, что он главный начальник на приходе, что его все окружают любовью, уважением. Стать другом для детей — это, конечно, определенный вызов, но если мы хотим, чтобы дети и в переходном возрасте оставались в наших приходах, то священники должны становиться их первыми друзьями. Конечно, тем, кто

моложе, это проще сделать, но и пожилые священники могут найти правильный язык для общения с детьми переходного возраста.

Говоря о коммуникационном разрыве между поколениями, важно помнить, что ни ребенок, ни юноша или девушка не стремятся разорвать все связи вокруг себя. Просто те связи, которые предлагают семья, приход, делаются для них неинтересными, и дети уходят в социальные сети. Последние становятся некой планетой для тех детей или молодых людей, для которых родной планетой перестала быть семья и перестал быть приход. Поэтому мне хотелось бы еще раз сказать, что и работа в социальных сетях должна занимать у нас важное место.

Говорю обо всем этом именно потому, что забота о старшем детском возрасте, о юношестве, в целом о молодежи должна быть для нас абсолютным приоритетом. Скажу вещь, может быть, вполне банальную: люди в этом возрасте очень восприимчивы, легко внушаемы, легко организуемы. И мы знаем, что сейчас в нашем обществе происходит. Например, организовали группу молодежи, которая не имела никакого отношения к возведению храма в Екатеринбурге. Мне удалось ознакомиться с тем, какой информацией люди обменивались в социальных сетях, — это была хорошо организованная акция, в которой принимала участие молодежь. Но почему же она так легко поддалась тем, кто призывал отказаться от выбранного участка? Идея построить храм в этом месте была совершенно логична; справа и слева от храма предполагалось разбить парк, а также сделать красивую набережную, по которой могли бы гулять люди. То есть предполагалось превратить это место в самое замечательное место города — и что в результате? А в результате мы получили то, что получили.

Глубоко убежден, что все эти идеи необходимо было представить визуально — не просто ставить заборчик, а разместить на нем виды всего того, что здесь будет построено. Может быть, это не столько вина, сколько недосмотр тех, кто организовывал это строительство. Из всего этого нужно вынести определенные уроки. Если мы начинаем такое доброе дело, как строительство храма, мы должны убедительно представить свой проект людям, ради которых этот храм и строим. Строительство храмов никак не должно становиться предметом борьбы, в том числе политической. А факт, что в данном конфликте присутствовало политическое измерение, совершенно очевиден.

Наши города понесли колоссальный ущерб от тотального разрушения храмов в послереволюционную эпоху, страна практически изменила свое лицо. Мы

имеем моральное, историческое право строить и восстанавливать храмы, но нам следует это делать таким образом, чтобы строительство объединяло людей. Думаю, пример Москвы должен быть важным для всей страны. В обезбоженных, лишенных всяких религиозных символов огромных новостройках Москвы сотни тысяч жителей не имели ни одного храма. Сейчас мы наблюдаем, как появляются новые храмы, нередко замечательной архитектуры, — как же они влияют на эстетику условий проживания! И, конечно, дело не только в эстетике, духовный фактор также имеет очень большое значение. Что же происходит? Мы делаем что-то невероятное? Но если в Москве уничтожили «сорок сороков», то почему же не восстановить хотя бы их часть? Так и по всей стране — все уничтожалось под корень. Разве мало было взорванных храмов, монастырей, тех, кто был расстрелян на этих руинах? Поэтому наша общая задача заключается в том, чтобы идти вперед, объединяя людей, укрепляя веру в духовные начала жизни и одновременно развивая добрые отношения и конструктивный диалог с теми, кто не всегда и не вполне с нами согласен.

На этом завершаю свое вступительное слово и приступим к работе.

patriarchia.ru